

Амфитеатров
Александр Валентинович

ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

Москва, 2018

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
А63

Амфитеатров, А. В.

А63 Против течения / А.В. Амфитеатров. – М. : Т8RUGRAM,
2018. – 266 с.

ISBN 978-5-521-06039-9

Книга «Против течения» – сборник статей и заметок, посвящённых критике литературного декадентства. В этот сборник включены статьи о Л. Андрееве («Талант во тьме»), М. Арцыбашеве («Протест В. П. Санина») и многих других известных и незаурядных деятелях литературы начала XX века.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC004000

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Вре́мена и нра́вы	5
Ляли́ть и Сви́нья	21
Ми́нуты	39
Ното Са́риенс	63
Протестъ В. П. Са́нина	75
Ка́рьеря ли́тератора Вьенпу́льскаго.	
1) Дебю́тъ	89
2) Интєрвѣю	105
3) Вьенпу́льскій въ Кієвѣ	118
Записная книжка	133
Vies imaginaires	165
Надо уня́ться	175
Талантъ во тѣмѣ	187
Списаніе видѣ́нія Алекса́ндрова	215
Не ври!	227
Веселые черепа	241
Другъ-чита́тель	253

Времена и нравы.

Предо мною лежит номеръ столичной газеты. Четыре страницы. На первой—телеграмма объ изнасилованіи отцомъ дочери въ Варшавѣ. На второй—корреспонденція объ орловскихъ «огаркахъ», обществѣ подростковъ, собиравшихся для свальнаго грѣха. На третьей—восторженная корреспонденція изъ Берлина о пьесѣ Ведекинда, изображающей, какъ мальчикъ 15 лѣтъ сдѣлалъ матерью дѣвочку 13 лѣтъ. На четвертой—замѣтка о пьесѣ Соллогуба, изображающей, какъ отецъ отбилъ жениха у дочери, а сія послѣдняя, въ благодарность родителю, снимаетъ «подъ занавѣсъ» *ветхія одежды словъ* и папашѣ своему отдается: «хочу»!!!.

Живя въ Парижѣ, я очень отсталъ было отъ текущей русской литературы. Итальянская глушь дала досугъ возобновить болѣе или менѣе правильное слѣженіе за перлами и алмазами россійской словесности. Выписалъ кучу книгъ и наслаждаюсь. Предо мною—наиболѣе рекламированныя въ послѣднее время и наиусерднѣйше смакуемыя критикою, повѣсти и стихотворенія русскихъ авторовъ, изъ коихъ многіе не такъ, чтобы очень молоды, но уже съ сѣдыми волосами на главахъ и въ брадахъ своихъ. Не пугайтесь, читатель мой: я не критическое обзорѣніе писать собираюсь, равно какъ не этическую полемику начинаю. Я просто долженъ дать здѣсь кусочекъ патологической статистики, свидѣтельствующей о томъ, чѣмъ сейчасъ

набита голова у русскаго обывателя литераторствующаго, и что, по коварному тяготѣнію къ сообщничеству — «съ міромъ не стыдно!» — вбиваетъ онъ въ голову русскаго обывателя читательствующаго.

Получается что-то въ родѣ секретнаго отдѣленія въ паноптикумѣ. Съ тою разницею, однако, что паноптикумы открываютъ свои секретныя отдѣленія лишь для взрослыхъ, притомъ для каждаго пола порознь; въ новой же русской литературѣ не практикуются ни «входъ малолѣтнимъ воспрещается», ни «по пятницамъ — только для дамъ». Вали, кто хочетъ, когда хочетъ, и — чѣмъ больше, тѣмъ лучше!

Итакъ, я начинаю.

№ 1. Гдѣ у человѣка растутъ крылья, или англичанинъ, влюбленный въ банщика, и гимназистъ, влюбленный въ англичанина.

№ 2. Семейное счастье двухъ студентовъ, изъ коихъ одинъ былъ мужъ, а другой — жена.

№ 3. Какъ Леля «жила» съ Олею.

№ 4. Какъ Оля «жила» съ Лелею.

№ 5. О крестьянской дѣвицѣ, которая, почитая себя порченною, сожгла своего ребенка, а въ видѣ эпитиміи сошлась въ сожительство съ безносымъ сифилитикомъ, была многожды изнасилована въ розницу и, наконецъ, подверглась насилію оптомъ, каковой марки не выдержала и сладостно скончалась, по смерти же была выброшена въ болото.

№ 6. О братѣ, вождельющемъ къ сестрѣ своей и ревнующемъ ее къ офицеру, но тщетно, ибо офицеръ — Гальтморъ.

№ 7. Какъ нимфы любили сатировъ и пастуховъ, но измѣняли имъ для сатирессъ съ козлиными ногами.

№ 8. Уже упомянутый выше скандалъ въ благородномъ семействѣ: родитель, снимающій съ себя ветхія одежды словъ, чтобы сожительствовать съ дочерью, отбивъ ее у жениха.

№ 9. О дамѣ, которая любила сидѣть голою въ жарко натопленной комнатѣ, и о дуракахъ, которые находили это занятіе гениальнымъ.

№ 10. Летающій сперматозоидъ, или юнкеръ, способный побѣдить четырехъ дѣвицъ въ четыре минуты.

Читатель извинить меня, если я, въ данномъ реестрикѣ, ограничусь лишь краткимъ изложеніемъ темъ и сюжетовъ, но не назову ни авторовъ, ни заголовковъ ихъ произведеній. По моему глубокому убѣжденію, это—единственный способъ и порядокъ, въ которыхъ можно и должно обсуждать общественную язву мысленнаго и словеснаго разврата, затянувшего русскую литературу въ сѣти порнографіи патологической и промышленной. Ибо всѣ негодованія, какъ притворныя, такъ и дѣйствительныя, всѣ полемики, возгоравшіяся вокругъ именъ и господъ, промышленяющихся обращеніемъ литературы въ секретное отдѣленіе паноптикума,—въ концѣ концовъ—не болѣе, какъ рекламы имъ, съ другой стороны: рекламы, умышленно или неумышленно обращаемыя къ той низменной части публики, для которой похабная книжка и картинка дороже всего. До сей поры вся подобная публика изнывала безъ своей «Ванькиной литературы», не зная, гдѣ ее добывать и какія въ ней являются новости. Лѣтъ сто монопольно владѣли вниманіемъ любителей клубнички Барковъ, юношескія прегрѣшенія Пушкина и Лермонтова, да запретныя русскія сказки, заграничный отбросъ знаменитаго Афанасьевского сборника. Оно, конечно, забористо, но примелькалось уже нѣсколько, да и грубовато: тамъ свинья—такъ она и есть свинья, и даже не чушка. А мы теперь стали люди просвѣщенные, и, слѣдовательно, подавай намъ свинью не свинью, но свинкою, чушкою, чушечкою, бѣлымъ поросеночкомъ съ голубою ленточкою на шеѣ и золотымъ бубенчикомъ на хвостикѣ. И вотъ—для спеціальнаго обрѣтенія благопотребныхъ порнографической публикѣ просить типа «*si jeunes et si bien decorés!*»—завелась въ

периодической печати особая замѣточная критика, каталогъ и указатель поросячьихъ мѣстонахожденій и залежей. Не думайте, чтобы она хвалила ихъ, какъ общественное явленіе,—Боже сохрани! нѣтъ! Да въ этомъ и надобности не имѣется, такъ какъ для обслуживанія идейными похвалами и восторгами декорированное поросячество завело собственные журналы и газеты, весьма къ дѣлу своему ревностные и страстные. Напротивъ, сказанная критика даже поругиваетъ иногда поросячество: что это молъ за безобразіе, право?—ступить стало некуда, все поросята подъ ногами вертятся,—столько въ литературѣ свинства развелось!.. Но, поругивая, никогда не забываетъ выразительно прищуриться однимъ глазкомъ, прищелкнуть языкомъ и заключить:

— Но, по правдѣ молвить, ужъ и поросята! Можно чести приписать! Нигдѣ не найдете подобныхъ! Насквозь саломъ проросли, подлецы... даже смотрѣть противно! Конечно, гадость. Однако, ежели этакого поросенка—на любителя,—пальчики оближетъ. А продается эта гадость такимъ-то и такимъ-то, подъ фирмою такую-то и такую-то.

Что господину такому-то и такому-то, торгующему поросячествомъ подъ фирмою такую-то и такую-то, и требовалось публиковать. На завтра онъ окруженъ Геростратовою славою, и любители поросячества, расхватавъ «литературные» труды его въ книжныхъ лавкахъ, съ любопытствомъ освѣдомляются у продавцовъ:

— А что? Господинъ Пятачковъ не сочиняютъ-ли еще что-нибудь въ семъ-же родѣ? Если какая ихняя книжка выйдетъ, вы, ужъ будьте добры, ее намъ — первымъ деломъ... непременно!

Замѣточная критика заботливо идетъ навстрѣчу и этимъ запасливымъ интересамъ потребителя. Развивая Геростратову славу своихъ кліентовъ, она заранѣе увѣдомляетъ рынокъ, какое новое поросячество печатается, пишется,

даже замышляется, гдѣ, когда, при чьемъ содѣйствіи, подъ чьимъ покровительствомъ. Оглашаются біографическія мелочи о мастерахъ поросячьихъ дѣлъ, ихъ адреса, ихъ интимности. Словомъ, кимвалы и тимпаны, указательные персты и электричествомъ вспыхивающія, буква за буквою, вывѣски—все пущено въ ходъ для того, чтобы поросячій читатель не сбился съ дороги, но прямо и торжественно прослѣдовалъ къ фирмѣ:

— «И вотъ заведеніе!»

* * *

Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ плылъ я изъ Константинополя въ Одессу—городъ, мнѣ незнакомый. Случилось, что одесситовъ на пароходѣ было очень мало. Наконецъ, разговорился я съ какимъ-то жизнерадостнымъ субъектомъ, выдававшимъ себя за пшеничнаго экспортера. И не сказали мы другъ другу двухъ словъ, какъ принялся онъ мнѣ Одессу ругать:

— Гнусный нашъ городъ... безнравственный нашъ городъ!.. У мальчишекъ-гимназистовъ съ тринадцати лѣтъ любовницы объявляются... такъ о взрослыхъ что же говорить! Помилуйте! Ну, гдѣ еще въ Россіи вы найдете такой домъ свиданій, какъ подлѣйшую нашу m-me Гольденбергъ?

Онъ назвалъ фамилію знаменитой въ своемъ родѣ одесской посредницы по амурнымъ дѣламъ и быстро рассказалъ нѣсколько анекдотовъ объ ея пикантной дѣятельности. Надѣюсь, что не согрѣшаю, и никого не введу въ соблазнъ, называя здѣсь эту фамилію *en toutes lettres*, такъ какъ, по рассказамъ моихъ знакомыхъ одесситовъ, «фирма» уже прекратила свое существованіе, и хозяйка ея умерла.

— Однако, говорятъ, у васъ въ Одессѣ очень развита общественная жизнь?

— Сказки! Никто ничего не дѣлаетъ. Толкутся на

биржѣ, гуляютъ по Дерибасовской, продаютъ пшеницу, а барыши прогуливаютъ съ дѣвками въ грабилонкѣ у м-те Гольденбергъ.

— Дума у васъ очень передовая...

Называю два-три имени...

— Что-о-о? Э тотъ-то? Да онъ, безстыжій, дни и ночи проводить въ вертепѣ у м-те Гольденбергъ.

— Театръ превосходный... Вотъ я сейчасъ читаль въ газетѣ: такая-то у васъ служить будетъ... Это — звѣзда!

Ироническая улыбка:

— Какъ же, какъ же!.. Вѣрнѣйшая кліентка этой негодяйки м-те Гольденбергъ.

Упомянешь о какомъ-нибудь фактѣ одесскаго прошлаго, — хронологія:

— Давняя исторія!.. Тогда м-те Гольденбергъ еще только начинала свою отвратительную карьеру!..

Хочу провѣрить адресъ знакомаго, — географія:

— Это, знаете-ли, на углу второго переулка направо отъ м-те Гольденбергъ.

Въ концѣ-концовъ, послѣ почти суточного плаванія и непрерывныхъ разговоровъ съ одесситомъ объ Одессѣ, я покинулъ пароходъ, все-таки не зная о городѣ, меня ожидающемъ, рѣшительно ничего новаго и интереснаго, кромѣ того, что имѣется въ немъ нѣкоторая м-те Гольденбергъ: «подлая», «гнусная», «грабительница», «негодяйка», «содержательница вертепа», но — подобной мадамы нѣтъ ни въ какомъ другомъ городѣ Россіи, живой товаръ у нея внѣ конкуренціи, а адресъ ея такой-то, а преискурантъ ея — этакій-то.

Откровенно говоря, иностранецъ, который сейчасъ задумалъ бы знакомиться съ русскою литературою по вогнутымъ и выгнутымъ зеркаламъ ея рекламной критики, очутился бы въ состояніи не большей и не умнѣйшей освѣдомленности, чѣмъ я — объ Одессѣ, послѣ разъ-